

Европа во мне. Как не потерять себя в новых странах, условиях и ролях

Автор:

[Екатерина Оаро](#)

Европа во мне. Как не потерять себя в новых странах, условиях и ролях

Екатерина Оаро

Мир, я люблю тебя!

В новой книге Екатерина Оаро, писательница и автор бестселлера «Держись и пиши», рассказывает о своём опыте переезда и жизни в европейских странах, где случается много смешных и грустных историй. Книга «Европа во мне» – отчасти об опыте эмиграции, но всегда – о доме, который мы строим сами внутри и снаружи. Об адаптивности в современном быстро меняющемся мире. О том, что важно узнавать себя, крепко стоять на своем и в то же время быть готовой измениться в любую минуту.

Сейчас у нас осталось меньше возможностей путешествовать, но мы все равно продолжаем оказываться в новых социальных ситуациях. Читая эту книгу, вы будете попадать то во Францию, то в Италию, то в Беларусь, то снова во Францию, то в СССР – но главное: внутрь себя. Ведь мы встречаемся с Другим не только переезжая в новую страну, но и меняя офис, улицу, должность или семейный статус.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Екатерина Оаро

Европа во мне. Как не потерять себя в новых странах, условиях и ролях

© Екатерина Оаро, текст, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Благодарности

Моим бета-ридерам: Виталине Скворцовой-Охрицкой, Елене Мезриной, Наталии Лето, Ксении Собченко, Дарье Корниловой.

Коучу Александре Соловей, которая умеет слушать самые смелые желания и усиливать их.

Юлии Вишке, Татьяне Александровой, Миле Ульченко, которые записывали мне многоминутные аудиодорожки, делясь своими наблюдениями о жизни в других странах.

Таис Золотковской, с которой мы регулярно писали в онлайн-коворкинге, и ее писательской резиденции «Author's House» на острове Закинф.

Claudio Zatti за наши философские прогулки и его добрую поддержку в те моменты, когда моя писательская самооценка падала.

Gaetano Bonasia за его щедрость и особый взгляд на темы, которые звучат под этой обложкой.

...и всем, чьи истории вошли в эту книгу.

Балкон

Грохот, шум, хлопки – Ciaо! Ciaааао! – я открываю дверь на балкон и тоже начинаю хлопать. Мужчина в полосатой пижаме машет мне: улица такая узкая, что кажется, он сейчас протянет мне бокал вина.

Готовы? – кричит мой сосед по диагонали, чьи громкие разговоры о поставках я вынужденно подслушиваю, когда он стоит у своего окна, а я – у своего.

Siiiiiii, – отзываются голоса напротив. Я поворачиваю голову, но мне видны лишь руки в окне.

Что-то перелетает по воздуху через улицу. Руки ловят его – и через мгновение отправляют назад. Тук! Салатовый теннисный мячик упруго стукнулся о стену между окнами и полетел вниз. Несколько раз отскочил от брусчатки, покатился и замер посреди пустой улицы.

Мои соседи по диагонали хохочут и приносят второй. Но он остается в их руках: все звуки пропадают – и воздух пронзает только один, очень громкий:

Ninoninoninoninoninoninono!

Это ревет, проносясь по проспекту, машина скорой помощи. За ней, через минуту, другая. Вряд ли медики слышали, как мы аплодировали им. Может быть, через неделю-вторую, когда они придут домой, они прочтут об этом.

Как моторные лодки в море, их машины толкают волну воздуха – и до нас доносится не только сирена, но и запах магнолии, распустившейся в трех перекрестках от дома. Так я узнаю, что наступила весна.

Я снимаю здесь квартиру с февраля. Через улицу от меня, двумя этажами выше живет пара, и иногда девушка с длинными черными волосами читает у окна, сидя в разноцветном маленьком кресле. Слева и этажом ниже – двое красивых стариков. У них длинный балкон на три окна с целым парком: и пихтой, и оливой, и цветами. Он выходит их поливать в алой рубашке, и мне видна старая лысина

в пятнышках на коже. Чуть дальше от них – две женщины, кажется, мама и дочь. В 17:07 они выносят колонку и включают на всю улицу «I will survive». Итальянцы и на карантине опаздывают.

Ты что, одна живешь? – спрашивает, смотря на меня в упор, мужчина в пижаме.

Я чувствую, как напрягся мой лоб, как сморщилась на нем кожа от вскинутых бровей.

Безопасно ли отвечать, если он живет так близко? Почему сразу такой личный вопрос? Какого черта он ко мне на «ты»?

Во Франции, откуда я переехала, такое неприемлемо. Грубо. Невежливо.

А в Италии?

На моем компьютере пять языковых раскладок – и иногда можно попасть не на ту. И внутри у меня теперь столько же: беларуская, русская, французская, английская, итальянская. Но кнопки, бывает, залипают.

Точки

Японские и китайские художники учатся так: сначала тренируются у мастера, изучают инструменты и материалы, упражняются в технике. А после уходят странствовать.

Правда, это не означает, что они ходят по своей стране с мольбертом и зарисовывают увиденное. Нет, они бродят, делая иную работу. Они набираются впечатлений.

Почему-то японские художники не ценят картины, где пейзаж точь-в-точь как настоящий. Но они ценят кое-что другое.

Правда же, что, глядя на японскую картину, вы в секунду чувствуете: Япония. Не важно, бывали ли вы в этой стране. Даже если и бывали – нигде в ней не найдете вы этого пейзажа. Но всюду ощутите общее чувство Японии.

Японский мастер рисует, вернувшись из странствования, по памяти. Поэтому и перспективы в его картине не найти: в ней есть лишь объем. Взгляд каждого, кто разглядывает эти мост, реку, гору, дерево, рыбака, будто переплывает полотно и смотрит с разных точек. Мы стоим перед картиной, а глаза наши – путешествуют.

Издатель сказал мне: напиши книгу об эмиграции. И я начинаю компоновать в одном тексте впечатления и воспоминания, точно так же связывая их не перспективой, а объемом.

Поэтому, читая эту книгу, вы будете попадать то во Францию, то в Италию, то в Беларусь, то снова во Францию, то в СССР.

И, возможно, вы согласитесь, что то общее чувство встречи с Другим, которое так обостряется в эмиграции, знакомо вам, где бы вы ни жили.

Французская вежливость: четыре варианта

Из четырех вариантов выберите тот, который считаете подходящим:

А. Отправьте мне обещанные документы, пожалуйста.

В. Не могли бы вы отправить мне обещанные документы?

С. Не могли бы вы быть, пожалуйста, настолько любезны, чтобы отправить мне обещанные документы?

D. Я была бы признательна вам, если бы вы отправили мне документы, когда у вас появится такая возможность. Я прошу вас принять, мадам, месье, заверения в моем сердечном уважении.

Я хихикаю, читая последний вариант, и Мари Клод – худая пожилая француженка в серой шелковой блузке – тоже смеется. Мы стараемся не слишком шуметь, ведь за другими партами занимаются такие же, как я, эмигранты с волонтерами пенсионерами, решившими помогать иностранцам учить французский. Даже шпиц, сквозь шерсть которого проступают перстни моего преподавателя, как будто поставлен на mute[1 - Беззвучный режим (Прим. ред.)].

Я поглядываю на своих соседей, гадая, у кого занятия интереснее, интенсивнее – и быстро обвожу карандашом первый вариант. Но Мари Клод не произносит: «следующий», а только молчит. Я уже знаю, что это значит.

Почему нет? – спрашиваю я.

Это слишком прямо. Грубо, если хочешь.

А по-русски достаточно вежливо, – думаю я. И что значит «грубо, если хочешь»? Но нет времени разбираться, тем более, что я еще не могу спросить об этом по-французски.

Тогда второй вариант.

Мари Клод тихо смотрит в сторону.

Неужели третий?

В одном я уверена: что точно не последний, ведь «заверения в сердечном уважении» – это сарказм.

Экатерина, – с ударением на конечную «а», – а что тебе не нравится в четвертом?

То, что трехэтажный светло-сиреневый парик из семнадцатого века в этом пятиэтажном культурном центре нелепо смотрится, – хотела бы я ответить, если бы умела строить такие предложения по-французски.

Это как раз в меру, – продолжает Мари Клод. – Как ты можешь не чувствовать? Просто послушай, как все на своих местах. Иначе ты говоришь, как... – она оглядывается по сторонам: все заняты и не слышат – потом смотрит на меня своими чуть мыльными от возраста глазами, – как негритенок.

Кем только я ни чувствовала себя во Франции, но негритенком – впервые. Тем более, в зале, полном эмигрантов из Африки. Тем более, в эпоху, когда даже старинное пирожное «голова негра» переименовано в «шоколадную голову». И как доверительно она сказала это, даже не разбудив своего шпица? Одними губами.

Но сейчас моя задача – загрузить в себя эти данные, установить обновленную версию программы вежливости и не забыть, что семидесятилетнюю Мари Клод я при этом должна называть на «ты», а не на «вы». Я вывожу «...заверения в сердечном» и двигаюсь к следующему вопросу.

Знаете эту ситуацию, когда кнопка в новом приборе сначала нажимается с трудом, туго, и только после того, как разработаешь ее – смягчается? В эмиграции обрастаешь такими кнопками, но все они сначала очень туго переключаются.

Как сделать их мягче? Мой способ – влюбиться в новый режим.

Поэтому, идя с урока домой, я флиртую с этой деликатностью, многоступенчатой вежливостью, раскланиваниями. Заучиваю заклинания, открывающие французские двери.

Вот мы одновременно приближаемся к моему дому: я и мусорная машина. С ее подножки спархивает пара молодых мужчин: у них прямые сильные спины, загорелые лица и улыбка. Один из них подмигивает мне:

Bonjour!

Page 404 not found1[2 - Страница 404 не найдена]. Внутренний поиск не дает результатов. Поломанная строчка кода:

Почему он не пьяный?

И не бедный.

Почему он стоит, как король, и держится увереннее, чем я?

Его рука в перчатке катит зеленый пластиковый мусорный бак – и бронзовые мускулы играют.

В пятнадцать секунд мусорный бак перевернут и опорожнен; два аполлона снова вскакивают на подножку грохочущей машины, образуя что-то вроде паруса по бокам: одной рукой они держатся за поручень, и тело, как гипотенуза или тетива, отклоняется от прямой оси кузова.

Bonjour! – наконец, отвечаю я.

На темном силуэте в контр-ажуре возникают две белые улыбки.

Может быть, если я буду писать и получать такие вежливые письма, однажды я буду держаться так же по-королевски?

В компьютере у меня теперь есть десять шаблончиков самых вежливых писем от Мари Клод.

У вас одно новое письмо!

Я открываю почту: «предложение сотрудничества».

«С маленькой буквы... – замечает моя внутренняя Мари Клод, получившая прописку в моем мозге. – В субботу, – удивляется она. – Вечером? Как негритенок...»

Подожди, Мари, русскоязычная деловая переписка – не твоя вотчина. Давай вчитаемся.

Моя свеженькая, недавно установленная программа вежливости начинает сбоить. Вообще-то, – продолжает она говорить голосом Мари Клод, – во Франции можно подать в суд на босса, который тревожит вас в субботу, не уважая ваше право на отдых.

Кнопка западает, но нажимается. Я переключаюсь обратно, ре-адаптируюсь и убирая все лишние сердечные поклоны, чтобы написать, как принято у нас – просто и по делу:

«Ответ приходит моментально, хотя в Москве – на два часа позже. Он прям и конкретен:

«Вчера)))»

«А причем здесь смайлики, разве это смешно?» – поправляет шелковый треугольничек воротника Мари Клод.

В начале эмиграции внутри тебя батарейка часто мерцает красным. Она может разрядиться от похода в магазин, где ты неожиданно потратишь тридцать минут на поиски кефира, не догадываясь посмотреть в арабском отделе. От смол-тока, в котором ты путаешься, как в тропическом лесу. От температуры в 19 градусов дома, где ты коченеешь, а твой муж ходит в шортах.

На красной батарейке включается режим сохранения энергии, и в голову приходят автоматические реакции, и залипающая кнопка выдает мне меню из четырех вариантов ответа на имэйл:

Взорваться и буркнуть: «Прошу прощения, но вчера я уже занята»

Прочсть мораль: «Вы пишете мне в субботу ночью, не здороваясь, не обращаясь ко мне по имени, не прощаясь, и при этом хотите...»

Удалить это письмо

Встать в позу и выдвинуть свои условия, но принять предложение, ведь я ищу работу

Ответить подчеркнуто вежливо, как французы, задавив человека пассивной агрессией.

Вы бы что выбрали?

Я перепробовала все – и ничего не рекомендую.

По-моему, правильный ответ:

Зарядить батарейку.

Когда переезжаешь в новую страну, внутреннюю батарейку нужно заряжать постоянно. Стоит носить с собой столько внешних аккумуляторов, сколько у вас есть, и по возможности приобретать новые. Когда переезжаешь в новую страну, особенно впервые, поддержки не бывает слишком много. Стоит брать всю. Иначе будешь выдавать автоматические реакции, раниться и о своих, и о чужих, и чувствовать себя блудным сыном, который уже ушел из дома, но еще никуда не

пришел, и завис в «между».

Ты другая! – слышу я от своих родных, которые уверяют, что у меня появился акцент и поменялась манера общения.

Французы же видят во мне задержавшуюся туристку, с совершенно чуждой для них манерой общения и иностранным акцентом.

А диалоги в итальянских учебниках языка вообще начинаются не с «signora», а с «tesoro»¹[3 - Tesoro (итал.) – сокровище (Прим. ред.)]:

Сокровище, у тебя ключи от дома?

Кнопки внутри разрабатываются мучительно. Пройдут годы – и я смогу сказать: я сочетаю в себе две культуры, и это меня обогащает. Но сначала есть риск годами не принадлежать ни к одной, ассоциируя себя разве что с этой картинкой:

Право на солнце

Право на солнце закреплено за жителями севера Франции законом. Он гласит, что ваш работодатель не может отказать вам в отпуске летом. Вы живете на севере, вы слишком часто мокнете под crachin – зависшей в воздухе моросью, вы имеете право на солнце Каннов, Ниццы и Марселя.

Когда мне говорили, что все французы отправляются в отпуск одновременно, я не могла этого представить. Неужели они не летают на две недельки в Египет или Тайланд зимой? Не выкраивают несколько дополнительных дней на майские? Не пытаются ухватить дешевые осенние билеты на распродаже, решив, что их дети ничего не потеряют, пока в школе повторяют пройденное за прошлый год?

Наверное, многие ездят в отпуск летом, как и у нас, – думала я. Многие, но не все.

Это вы Оаро? – спросил таксист. – Давайте я помогу вам с чемоданом.

Мы приехали в Лилль вечером 14 июля, в день взятия Бастилии. Разноцветные салюты взрывались в небе, видимом из окна такси. Казалось, город жив и веселится.

Однако наутро, раздвинув шторы, я увидела широкую совершенно пустую улицу. Ни собаки, ни пешехода, ни велосипедиста. Пустая парковка. Только семья цыган сидит у бесшумной раздвижной двери супермаркета, положив на асфальт спящего младенца.

Гугл-мапс показывал булочную на углу; я дошла до нее и увидела написанное от руки объявление, приклеенное к опущенным роллетам широким скотчем:

«Вернусь в сентябре. Хороших каникул!»

Город напоминал больничный двор. Вот бабушка в ночнушке машет нам с крыльца, задирая подол. Нищий, хромя, тянет ко мне искореженную, вздувшуюся узлами ладонь. Парень в капюшоне на выходе из метро спрашивает:

Все хорошо?

И это означает: не хотите ли купить у меня травки?

Что делать в северном французском городе летом? Писать книгу, – думаю я, – и проверить зубы.

Запись на ноябрь, – отвечают мне в стоматологии. – Доктор в отпуске, а после принимает тех, кто записался весной.

И можно подумать: государство приучило этих граждан жить в системе, ходить ровно и отдыхать по расписанию. Это вариант 1.

Через пару лет у меня появится 2-ой: а ведь отдыхать летом, планируя все заранее, а потом включаться в работу вместе и без опозданий – хорошо для экономики. Организация труда у французов глубоко впечатлит меня.

Какое-то время я буду спорить со своими белорусскими друзьями: хорошо это или плохо? Пока не перестану ставить вопрос таким образом.

Французов учат в школе всегда видеть две стороны. Вы можете поставить эксперимент, сказав знакомому французу что-то вроде:

Жить в большом городе ужасно.

И он ответит:

Но с другой стороны, приобретаешь массу возможностей.

Или наоборот, вы можете начать с позитива:

Как прекрасно, что российские налоги в три раза меньше французских.

И услышать такое рассуждение в ответ:

Да, хотя минус в том, что вы не защищены на пенсии.

Я до сих пор помню эти двойные фразы из учебника по изучению языка:

La voiture c'est pratique, mais c'est cher!

Что в переводе означает: машина – это практично, но дорого!

Франция научила меня, что в каждом явлении можно увидеть сразу и плюс, и минус.

А эмиграция научила меня, что явление можно видеть объемно, не оценивая его стороны. В массовом отдыхе в строго предписанное время есть и свобода и

привычка, и ригидность и стабильность. И теперь я думаю не «хорошо это или плохо?», а «подходит ли это мне сейчас?» и «как с этим взаимодействовать?»

Если батареечка зеленая, то я решу, что мне на руку все это:

запись к стоматологу с сентября,

оформление документов с сентября

поиск работы с сентября

автошкола с сентября

и сяду делать сайт или писать книгу.

Если батарейка красная, то и экран подсвечен слабее: и я фрустрируюсь. Все будет мне неудобно, и я вернусь в черно-белый режим до rentree.

Rentree – слово, с которого начинается первая глава моего учебника по французскому. Это время, когда все вернутся из отпусков: сентябрь.

В сентябре здесь запыхтят машины, из их дверц начнут высовываться загоревшие голени и колени, соломенные шляпы, маленькие чемоданчики, выгоревшие на солнце волосы. На улицах появятся велосипеды и откроются булочные. Учителя закончат романы, которые они массово пишут во время каникул. А издательства выпустят столько книжных новинок, сколько никто не в силах прочесть.

Каждый разговор будет содержать этот вопрос:

Где ты была в отпуске?

Где ты была в отпуске?

Где ты была в отпуске?

Я решу, что мне это на руку, и отвечу небанально:

Я была в своей книге.

По-моему, прекрасно: не клише, сразу обозначает мою профессию и открывает дверцу для более глубокого общения.

Я отвечаю так, но каждый раз моя реплика расклеивает диалог. Кажется, теперь у французов сбой системы. Отпуск не обсудить – и о чем тогда? Разговор буксует:

Ты пишешь по-французски?

Нет, по-русски.

Mh. И что, вообще не была в отпуске?

И если у меня уже аллергия на разговоры об отпуске, то какие у меня есть варианты?

Продолжить тему отпуска, сказав, например:

В моей стране мы ездим в отпуск не только летом.

Я попробовала и услышала коронное:

Да, это практично, ведь это дешевле, но, с другой стороны, августовское море не получишь.

Вернуть разговор к писательству, совершив нападение:

Вообще-то по-русски в мире говорит больше людей, чем по-французски.

И получить в ответ:

Да что вы говорите!

Ah oui? Vraiment? Who cares!¹4 - Ah oui? Vraiment? (фр.) – Да? Действительно?
(Прим. ред.)Who cares (англ.) – Какая разница (Прим. ред.)].

А почему не по-французски, если живешь здесь?

Перевести разговор на моего собеседника, расспросив его о том, где и как он отдыхал.

И как там пляжи? И что вы ели? Фантастика!

Искусство этого маленького диалога я осваиваю до сих пор. И пока редко, но уже получается увидеть, что оно – как флирт. С неизвестным, неопознанным, случайным, иностранным. Что, чтобы импровизировать, нужно не прятаться, и рисковать, и быть живой, и включенной. Иногда – осторожной, чаще – щедрой.

Красота этого жанра в том, что в любой момент можно поставить точку. Или запятую

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Беззвучный режим (Прим. ред.)

2

Страница 404 не найдена

3

Tesoro (итал.) – сокровище (Прим. ред.)

4

Ah oui? Vraiment? (фр.) – Да? Действительно? (Прим. ред.)

Who cares (англ.) – Какая разница (Прим. ред.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/oaro_ekaterina/evropa-vo-mne-kak-ne-poteryat-sebya-v-novyh-stranah-usloviyah-i-rolyah

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)